

Разсказъ М. К. Первухина

Иллюстрировала для журнала «Огонь»
Л. О. АМОСОВА.

«Конечно, въ наши дни на подобныя пустяки нише мужья не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, смотрятъ сквозь пальцы. Но мнѣ кажется, что вамъ, снйоръ профессора, какъ человѣку, которому довѣряется воспитаніе молодого поколѣнія, не совсѣмъ удобно смотрѣть снисходительно на романическія похожденія вашей молодой красавицы-супруги.

Будетъ уже и того, извините меня, снйоръ профессора, что вы жестоко компрометировали своей, всегда пользовавшейся отличною репутаціею, старинный и честный родъ, женившись на женщицѣ безъ роду, безъ племени, на женщицѣ, взятой, если не изъ омата, то, во всякомъ случаѣ—съ противней дороги!

Если вы пожелаете провѣрить то, что я говорю о вашей достойной супругѣ,—вамъ легко сдѣлать это: стоитъ только обратить вниманіе на переписку, ведущуюся при помощи объявленій въ газетѣ «Джорнале-д-Италія» между нѣкоюю «Азалиею» и нѣкимъ «Одинокимъ».

Ну, не мѣшало бы еще, конечно, заглянуть на центральную почту, спросить, нѣтъ ли тамъ писемъ на имя «Одинокаго» и посмотреть, не рукою-ли вашей высокообразованной супруги писаны эти письма.

И тогда...

Впрочемъ, что вы сдѣлаете тогда, — меня не касается. Я, какъ старій другъ вашей семьи, дорожащій ея честью, просто-на-просто исполняю мой долгъ, открывая вамъ глаза. Вы же поступайте, какъ подскажетъ вамъ ваша собственная совѣсть, если она у васъ нѣнется еще, если эту совѣсть не погубила безразветвенная женщина, эмблею залопзшая въ домъ, куда ее не хотѣли пускать.

Вашъ доброжелатель.

... Анонимное письмо. Обычная подпись: «Доброжелатель». Какая-то ядовитая гадина. Вѣрнѣе всего,—женщина. Ахъ, да почему же непременно женщина, а не мужчина? Все хороши! Все одинаковы въ этомъ отношеніи. Цѣлый рядъ скандальныхъ процес-

совъ за послѣднее время показали, что Пталію охватила какая-то эпидемія писанія анонимныхъ доносовъ. Ихъ пишутъ фрейлины двора ихъ величество и безграмотныя горничныя, помы и графы, уличныя женщины и добродѣтельныя матери семействъ, офицеры и уличныя попрошайки.

Женщина или мужчина? И кто? Не кузина ли Маргерита? Не сестра ли Франческа? Можетъ быть, племянникъ Витторіо или тетка Софонизба? Или... или все вмѣстѣ, коллективомъ? Вѣдь, и то возможно: все они, отъ перваго до послѣдняго, съ лютою ненавистью относятся къ Томмазинѣ. Все они готовы утопить ее въ ложкѣ воды. За что? Почему? Что она, бѣдняжка Томмазина, имъ всемъ сдѣлала.

Охъ, гадость, подлость какая!

«Профессоръ» или учитель римскаго языка имени короля Умбарто I, снйоръ Энрико Маринотти, нервнымъ жестомъ скомкалъ исписанную литовыми чернилами бумагу, гнѣвно швырнулъ ее на полъ, даже наступилъ на нее ногою. Походившими руками схватился за пылающую лобъ, почувствовавъ, какъ нестерпимую болью внезапно пробудившейся мигрени наливается полчерепа. Такъ бывало съ нимъ всегда, какъ только что-нибудь волновало его, отравляло его покой. Застоналъ и закусилъ нижнюю губу, чтобы одною болью заглушить другую.

— Что имъ надо, Мадонна, что имъ надо, этимъ людямъ?! — бормоталъ онъ, оглядываясь вокругъ дикими глазами.—Когда же, о, когда они оставить насъ въ покоѣ?! Куда уйти отъ нихъ? Какъ спрятаться? И... и чего они добиваются? Погубить Томмазину? А дальше—что? Вѣдь, все-равно, къ п и м ѣ я не вернусь, если бы даже... Если бы даже то, что они пишутъ про мою жену, и оказалось правдою. Но это—неправда, это—ложь, гнусная ложь, ядовитая клевета! Томмазина неспособна на измену. Томмазина честная женщина. Ни тѣни обычнаго женскаго легкомыслія, ни намекъ на кокетство. Томмазина ведетъ строго регулярную жизнь. Никуда и никогда изъ дому. Развѣ только — со мною вмѣстѣ.

О, Мадонна!

Профессоръ вагнулся со стопомъ, поднялъ съ полу смятое, затоптанное письмо, машинально расправилъ его, снова перечелъ отъ перваго до послѣдняго слова. Нѣкоторыя выраженія анонимнаго письма останавливали теперь на себѣ его вниманіе. По нѣсколько разъ перечитывалъ онъ слова «старинный и честный родъ», «женщина, взятая съ прѣзжей дороги», «вншк о о б р а з о в а н н а я супруга».

И чѣмъ больше вчитывался онъ въ эти слова, тѣмъ сильнѣе росла въ его душѣ увѣренность, что авто-

ровъ анонимнаго доноса падо искать въ средѣ ближайшихъ родственниковъ, вѣрнѣе—родственниковъ.

Вѣдь, тогда, когда Энрико Маринотти только собирался еще жениться на Томмазинѣ Савалли, — было столько толковъ:

— Можно-ли уважающему себя человѣку изъ общества жениться на дѣвушкѣ, которая до такой степени простерла свою экстравагантность, что... что кончила курсъ въ университетѣ? Да еще добро бы на одномъ изъ приличныхъ, сравнительно, факультетовъ, напримѣръ, по исторіи, по философіи... А то, вѣдь, она не остановилась даже передъ изученіемъ естественныхъ наукъ... Можетъ быть, даже... даже анатомію изучала!!!

И кузины снйора Энрико при каждой встрѣчѣ съ нимъ спрашивали его:

— Правда, что твоя Томмазина даже трупы мужчинъ рѣзала въ анатомическомъ театрѣ?

Но Энрико былъ влюбленъ. Онъ настоялъ на своемъ. Онъ женился на Томмазинѣ.

Попытка ввести Томмазину въ среду родственниковъ не удалась: весь родъ Маринотти сбился въ комокъ, сталъ стѣною.

— Ты сдѣлалъ грубую ошибку! — говорилъ племяннику старій дядя донъ-Чезара, тоже когда-то бывший преподавателемъ и даже директоромъ одного изъ римскихъ лицеевъ, а теперь доживавшій послѣдніе годы въ отставкѣ на пенсіи.—Ты сдѣлалъ, другъ мой, грубую ошибку. Ты нарушилъ родовыя традиціи. Ты ввелъ чужую женщину въ нашъ родъ. А этого дѣлать не слѣдовало. Испоконъ вѣковъ повелось такъ, что Маринотти женятся на Сартини или Банфи. Трѣ рода образуютъ одно цѣлое. Все за одного, одинъ за всѣхъ... А ты берешь какую-то Савалли... Чужую... И ты требуешь, чтобы мы признали ее за свою! Нѣтъ, этого ты не добьешься!

И этого онъ не добился.

И вотъ, теперь—это анонимное письмо,

...Вншжваніе удалось: снйоръ Энрико видѣлъ, какъ Томмазина вошла въ подъездъ третьеразрядной гостиницы!...

Подозрѣніе проснулось въ его душѣ. Почему итѣтъ? Томмазина—женщина. Кто же разгадаетъ всѣ тайны женской души? Кто разгадаетъ женскую психологію?

Ну, да, сошлись по любви. Жили мирною трудовою жизнью: Томмазина писала регулярно статьи по женскому вопросу въ журналѣ «Женщина-царица». Всюду бывали только вѣстѣтъ. И... и только пять лѣтъ, какъ повѣчались. Не успѣли надобѣть другъ другу. У Томмазины какъ будто даже итѣскольکو холодный темпераментъ. Все такъ, все такъ. Но кто можетъ поручиться, что это все—не искусно носимая маска? Съ мужем—холодна и сдержанна. А съ тѣмъ... съ «Одинокимъ»...

Съ мужемъ разговариваетъ о женскомъ движеніи, о суфражисткахъ и ихъ экзессахъ, о парламентскихъ дебатахъ. А съ тѣмъ...

Можетъ быть, разбуженныя анонимнымъ письмомъ подозрѣла мало-по-малу заглохли бы, если бы... Если бы черезъ итѣскольکو дней не пришла итѣлая куча вырѣзокъ изъ объявленій «Джорналь-д-Италіа». Какой-то «Одинокій» изливаетъ «Азалии» свои чувства.

Когда снйоръ Эрико читалъ эти вырѣзки, его лицо пылало. Руки тряслись и сызко, до боли сильно, билось сердце, а передъ глазами ходилъ кровавый туманъ.

Неожиданно для самого себя онъ ушелъ съ урока подъ предлогомъ головной боли, занялъ на почту, хриплымъ голосомъ въ отдѣленіи «до востребованія» спросилъ, итѣтъ ли писемъ на имя «Одинокаго». Почтовый чиновникъ, порывшись въ ящикъ подъ литерою «О», швырнулъ на прилавокъ три или четыре письма, всѣ съ штампелами послѣднихъ дней. При первомъ же взглядѣ на эти письма снйоръ Эрико узналъ руку Томмазины, ея характерный твердый почеркъ.

Чтобы прочесть предательскія письма жены къ этому проклятому «Одинокому», учитель отправился на пустынную набережную Тибра и тамъ просидѣлъ почти до обѣда. Ея письма къ «Одинокому» были пропитаны глубочайшею итѣжностью, обвѣяны тепломъ. Въ каждой строкѣ итѣвозило глубокое чувство. Кое-гдѣ проскальзывали намеки, отъ которыхъ кровь бросалась въ голову Эрико, а кулаки сжимались:

— Помнишь ли нашу уютную спальню?—спрашивала «Одинокаго» Томмазина. —О, какъ далеко все это...

— Не сердись, что я не пришла къ тебѣ въ пятницу: совсѣмъ собралась, было, да... Вернулся домой о и т. Ну, и поитио, пришлось лгать, притворяться. Мадонна! Когда же, о, когда кончится все это, милый Паоло, и намъ съ тобой не придется скрываться отъ взоровъ общества, не нужно будетъ встѣрчаться тайкомъ, воровать минуты...

Кончивъ чтеніе обличившихъ жену писемъ, снйоръ Эрико Маринотти отправился въ ближайшій ружейный магазинъ и тамъ приобрѣлъ дальнобойный револьверъ.

Два дня подрядъ онъ сторожилъ жену, прячась въ сосѣднихъ переулочкахъ. Хотѣлъ узнать, куда она ходитъ, гдѣ происходитъ ея свиданія съ «Одинокимъ». Но Томмазина не выходила изъ дому.

На третій день—вышла. Это было часовъ около одиннадцати. Бы-

ло тепло, свѣтло. По голубой эмали пѣба были разбросаны серебряныя перышки высокихъ облаковъ. Въ узкихъ улочкахъ и переулочкахъ стараго Рима лежали глубокія изсиня-фиолетовыя тѣни. Звенѣла и итѣла быющая ключемъ жизни большого города.

Томмазина шла по тѣневой сторонѣ улицы. На ея лицѣ было обычно серьезное, итѣскольکو печальное выраженіе. На устахъ—слабая и тоже далеко не веселая улыбка. Шла молодая женщина, не оглядываясь, но, тѣмъ не менѣе, снйоръ Эрико, чтобы его жена не обнаружила преслѣдованія, взялъ извозчика, которому велѣлъ поднятъ верхъ экипажа.

Выслѣживание удалось: снйоръ Эрико итѣдѣлъ, какъ Томмазина вошла въ подъѣздъ третьеразрядной гостиницы.

Мелькнула мысль — ринуться слѣдомъ за нею. Ворваться въ номеръ, и... Заглянувъ въ прихожую, Эрико увидѣлъ, что швейцаръ занятъ объясненіемъ съ какимъ-то по-

...Два человека стояли посреди комнаты, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Пять выстрѣловъ...

стояльцемъ, а Томмазина легкими шагами поднимается по крутой лѣстницѣ. И снйоръ Эрико промель слѣдомъ за нею. Съ площадки лѣстницы она свернула въ коридоръ, остановилась у двери номера девятого, постучалась. Дверь распахнулась.

Секунду спустя та же дверь рухнула подъ напоромъ Эрико. Два человека стояли посреди комнаты, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Пять выстрѣловъ. На шестомъ оступка. Волны порохового дыма. Крики. Грохотъ выстрѣловъ, звонъ разбитаго шальною пулею стекла зеркала. Кровь. Кровь на полу, на коврѣ, на одеждѣ, на мертвенно-блѣдныхъ лицахъ.

— Подсудимый! Какъ объясняете вы то обстоятельство, что ваша покойная жена...

Предсѣдатель трибунала приостановился. ... убитая вами жена скрывала отъ васъ существованіе ея родного брата, снйора Паоло Савалли, къ которому тайкомъ отъ

васъ ходила на свиданіе въ гостиницу «Триполитанія»?

Подсудимый вскинулъ усталый взоръ на предсѣдателя, криво усмѣхнулся.

— Не знаю. Ничего не знаю!—пробормоталъ онъ.—У меня до ужаса болитъ голова. Съ тѣхъ поръ, какъ... какъ я убилъ Томмазину. До ужаса. Должно быть, отъ головной боли сойду съ ума...

— Подсудимый! Расскажите присяжнымъ эпизодъ съ анонимными письмами.

Но Эрико Маринотти въ отвѣтъ только бормоталъ:

— У меня болитъ голова. Не могу говорить...

Среди присяжныхъ было теченіе—направить дѣло къ дослѣдованію. Но ихъ итѣбнью, Эрико Маринотти, застрѣлившій жену и ея брата, высказывалъ признаки ненормальности. Но верхъ одержало другое теченіе. Присяжные согласились съ доводами защитника, доказывавшаго съ фактами въ рукахъ, что все происшествіе—роковая случайность.

Братъ Томмазины Савалли, снйоръ Паоло Савалли, въ ранней молодости запутался, прознавелъ растрату, бѣжалъ въ Америку. Томмазина, стыдясь позора брата, не сказала мужу ни слова о его существованіи. Это — ея несомнѣнная вина. Изъ этого и родилась кровавая драма...

Истосковавшійся, отверженный Паоло Савалли, вернулся на родину, но не посмѣлъ явиться открыто къ сестрѣ, не зная, какъ къ нему отнесется мужъ Томмазины и весь родъ Маринотти. Томмазина любила брата, не могла не видѣться съ нимъ. Попадобились тайныя свиданія, неизбежно въ глазахъ постороннихъ итѣмвшія подозрительный характеръ. Члены рода Маринотти, сотнею глазъ слѣдившіе за каждымъ шагомъ незнакомой имъ «женщины съ прѣзжей дороги», — узнали о тайственныхъ свиданіяхъ Томмазины съ «Одинокимъ» и о завязавшей между ними перепискѣ, и...

И, конечно, — донесли мужу, думая, что такимъ образомъ оберегаютъ честь рода. И, вотъ...

Присяжные вынесли Маринотти оправдательный приговоръ. Шатаясь, съ мутнымъ взоромъ, вышелъ онъ изъ зала суда. Черезъ итѣскольکو дней въ римскихъ газетахъ появилась замѣтка объ арестѣ у воротъ Ватикана неизвестнаго, который ночью лопился въ Ватиканъ, требуя немедленнаго свиданія съ его святѣйшествомъ папою Пиемъ X.

— Я открылъ способъ воскрешать людей!—заявлялъ неизвестный.—Вы должны же понимать, какъ важно такое изобрѣтеніе! Напримеръ,—я по ошибкѣ убилъ мою жену, Томмазину Савалли, и ея родного брата, думая, что Томмазина и Паоло обманываютъ меня. Теперь—я могу ихъ воскресить. Требуется только разрѣшеніе и благословеніе его святѣйшества...

Арестованный буйствовалъ. Пришлось связать его и отправить въ домъ умалишенныхъ.

Сила тамъ, Эрико Маринотти неизмѣнно каждое утро спрашиваетъ у навѣщающаго его врача:

— Что мнѣ нишуть въ анонимныхъ письмахъ мой родственникъ.

М. Первухинъ

РЕДАКЦИЯ „ОГОНЬКА“:

Петроградъ, Адмиралтес-
скій кв., № 17, соб. д.
Рукописи, присланныя безъ
обозначенія условій, опла-
чиваются по опредѣленю
редакціи. Возвращеніе ру-
кописей не обязательно.
Главная Контора: Петро-
градъ, Галерная, 40, соб. д.
Отдѣленіе Конторы: при
Невской Конторѣ „Бирже-
выхъ Вѣдомостей“, Невскій
пр., 50 (уголъ Садовой).
Москва: Тверская ул., д. 17.

Еженедѣльный художественно-литературный
ЖУРНАЛЪ
ОГОНЕКЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
съ перес. въ Россіи.
На годъ . . . 3 р. 50 к.
На полгода . . . 1 р. 80 к.
На 3 мѣсяца . . . — р. 95 к.
На 1 мѣсяць . . . — р. 35 к.
Пересылка адреса 10 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:
за мѣсто, занимаемое стро-
комъ моншарейля на 2-й
страницѣ обложки—3 руб.
на 3-й и 4-й страницѣ об-
ложки—2 р. 25 коп.

№ 11

Воскресенье, 13 (26) марта 1916 г.

№ 11

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія
источника воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.)

Условія военного времени вызываютъ непомѣрное поднятіе цѣнъ на бумагу для журналовъ, на всѣ матеріалы печатанія и изготовленія клише. Противъ своего желанія, Редакціи и Издательства, подписавшіяся ниже, вынуждены временно увеличить до 10 коп. продажную цѣну отдѣльныхъ номеровъ журналовъ.

„ОГОНЕКЪ“
„СИНИЙ ЖУРНАЛЪ“
„ЖИЗНЬ И СУДЬ“
„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“
„ДВАДЦАТЫЙ ВѢКЪ“.

Съ этого № 11 „Огонька“ цѣна экземпляра въ розничной продажѣ составляетъ **ДЕСЯТЬ (10) КОП.**

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи.

По фотографіи корреспондента „Огонька“ съ театра войны.

Его Императорское Величество Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта ген. Н. І. Ивановъ (1), ген.-ад. гр. В. Б. Фредериксъ (2) и ген. Щербачевъ (3) разсматриваютъ карту.